

Д 182
641

Д 182/641
ГОЛЬ.

Первое Издание
Ф. Д. Маркса.

С ПЕТЕРБУРГА.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

Повесть.

Съ 12 рисунками Р. Штейна.

Цѣна 15 коп.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

A 182
641

Н. ГОГОЛЬ.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 12 рисунками Р. ШТЕЙНА.

(Собственн. А. Ф. МАРКСА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Июля, 1894 года.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческяя, № 1.

18923-0

2010517177

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

Б Ы Л Ь,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ***СКОЙ ЦЕРКВИ.

акъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разскажалъ про дѣда?—Пожалуй, почему же не потѣшить прибауткой? Эхъ, старина, старина! Что за

радость, что за разгулье падеть на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ,—ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ велико-

мученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалить въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего напѣ дѣвчата и молодежи; покажись только на глаза имъ: „Оома Григорьевичъ! Оома Григорьевичъ! *а нуте, яку-нибудь страховинну казочку! а нуте, нуте!*...“ тара-та-та, та-та-та, и пойдутъ, и пойдутъ... Разсказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, чтò дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожить подъ одѣяломъ, какъ будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу, — и Боже упаси! и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: разскажи ей страшную сказку да и только. Чтò-жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ *въ дурня* *). Только заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. Покойный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то и словотитлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять, — въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

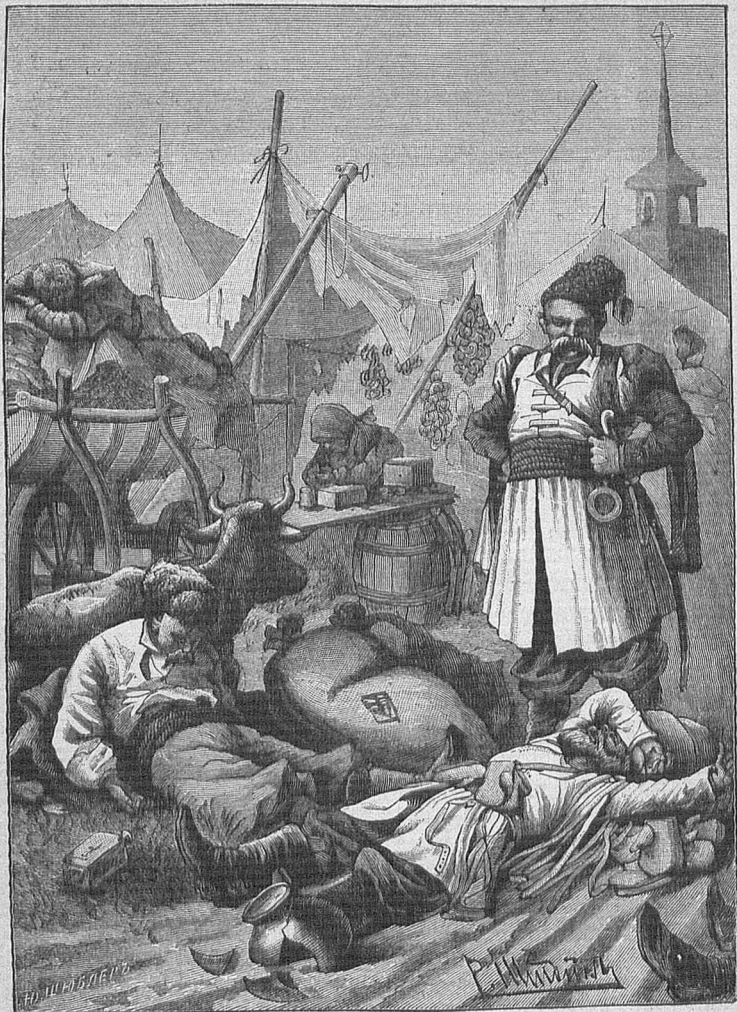
Одинъ разъ, задумалось вельможному гетману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь, — вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мо-

---

*) Т. е. въ дурачки.

тузочка, Голопуцекъ не Голопуцекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище,—позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата, и поднялъ такую за собою пыль, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябило. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка парубокъ, съ покраснѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ; подалъ храпѣла, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ телѣгою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой — чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ яткахъ начало мало-по-малу шевелиться: жидовки стали побрякивать фляжками; дымъ покатило то тамъ, то сямъ кольцами, и запахъ горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ—навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаровары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты—запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги отплываютъ словно веретено въ

На самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... (Стр. 7).

бабьихъ рукахъ; что вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершия ею въ боки, несется въ-присядку; залъется пѣсней—душа гуляетъ!... Нѣтъ, прошло времячко: не увидать больше запорожцевъ! Да. Такъ встрѣтились. Слово за слово—долго-ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ Великимъ. Только, видно, наконецъ, прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились новые пріятели, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на отдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли вмѣсто него красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что праздничныя плахты чернобровыхъ молодицъ. Нашего запорожца раздобаръ взялъ страшный. Дѣдъ и еще другой, приплетшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ-ли засѣлъ въ него. Откуда чтѣ набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ, рассказчикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

„Ге, ге, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совѣ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!“

„Передъ вами нечего таиться“, сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. „Знаете-ли, что душа моя давно продана нечистому?“

„Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистымъ? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ“.

„Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ мо-

Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. (Стр. 9).

лодцу! Эй, братцы!“ сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: „эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Въѣкъ не забуду вашей дружбы!“

Почему-жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допустить чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядомъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, настораживая уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся навстрѣчу, и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только развернуться, приударить горлицы или гопака, — прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-онъ-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкаръ одинъ, передъ каганцемъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ повернуться, какъ видѣть, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять

около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за со-сѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промы-

Шинкаръ одинъ, передъ каганцемъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. (Стр. 11).

вать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояс-нялись они, все пропадало. Наконецъ, мало погодя, опять показывается изъ-подъ воза чудище... Дѣдъ вы-таращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостенѣли, го-

лова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и, какъ припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ — козакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать — никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней — ни своего, ни запорожскаго! Чтò бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, кто же коней? Сообразя все, дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. „Ну“, думаетъ, „нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось попадетъ на дорогѣ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ-нибудь уже куплю коня“. Только хватился за шапку — и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетманскій гостинецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Чтò дѣлать? Кинулся достать чужого ума: собралъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ шинкѣ, добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и рассказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои, крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили,

что когда чортъ да москаль украдутъ что-нибудь, то поминай, какъ и звали. Одинъ только шинкаръ сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчить человѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много ужомъ.

Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней — ни своего, ни запорожнаго! (Стр. 13).

Только шинкаръ не такъ-то былъ щедръ на слова, и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ даромъ.

„Я научу тебя, какъ найти грамоту“, сказалъ онъ,

отводя его въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. „Я вижу уже по глазамъ, что ты козакъ — не баба. Смотри же! Близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ ковать желѣзо въ такую ночь, въ какую однѣ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда слышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка, мимо обожженного дерева: дорожкой этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу — ты все иди; и какъ придеши къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ“. Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ — не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ козакѡвъ, — всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однакожъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревь, и деревья, что охмелѣвшія козацкія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную мольв. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ. И, будто зарницею, освѣтило

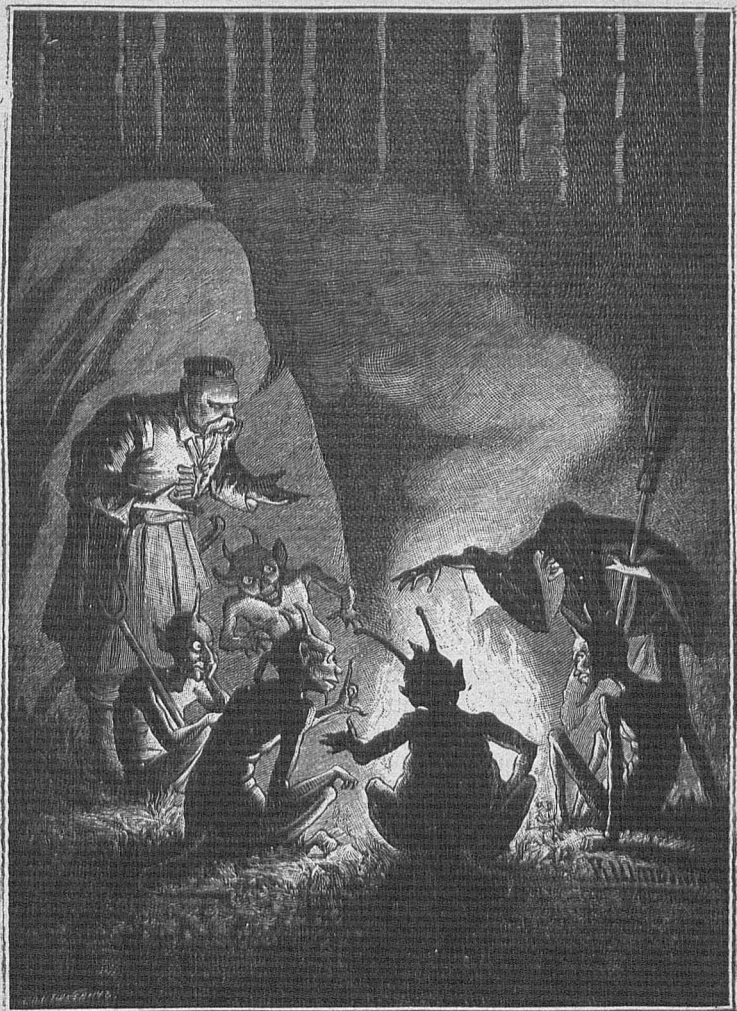

И, будто зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. (Стр. 15).

на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево, и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. Однакожъ, не совсѣмъ весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагѣ забирало его вскрикнуть. Мало-по-малу, выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словна вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ козацкихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! „Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ“. Дѣдъ однакожъ ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ, понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такія смазливый рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь, нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: „Помогай Богъ вамъ, добрые люди!“ Хоть бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Смазливый рожи — ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ — ни одинъ не глядитъ на него. „Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того“...

(дѣдъ живаль въ свѣтѣ не мало, зналь уже, какъ подпускать туры, и при случаѣ, пожалуй, и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) „чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть,—люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма* (не имѣется).“ И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ что, если бы онъ немного не посторонился, то, статья-можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился—будеть-ли слушать нечистое племя, или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ, словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала и какъ уже,—онъ и самъ разсказать не умѣлъ,—попалъ чуть-ли не въ самое пекло. „Батюшки мои!“ ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Чтѣ за чудища! рожи на рождѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдъмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество выпадеть снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдъмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ валторны. Только завидѣли дѣда—и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла—всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣ-

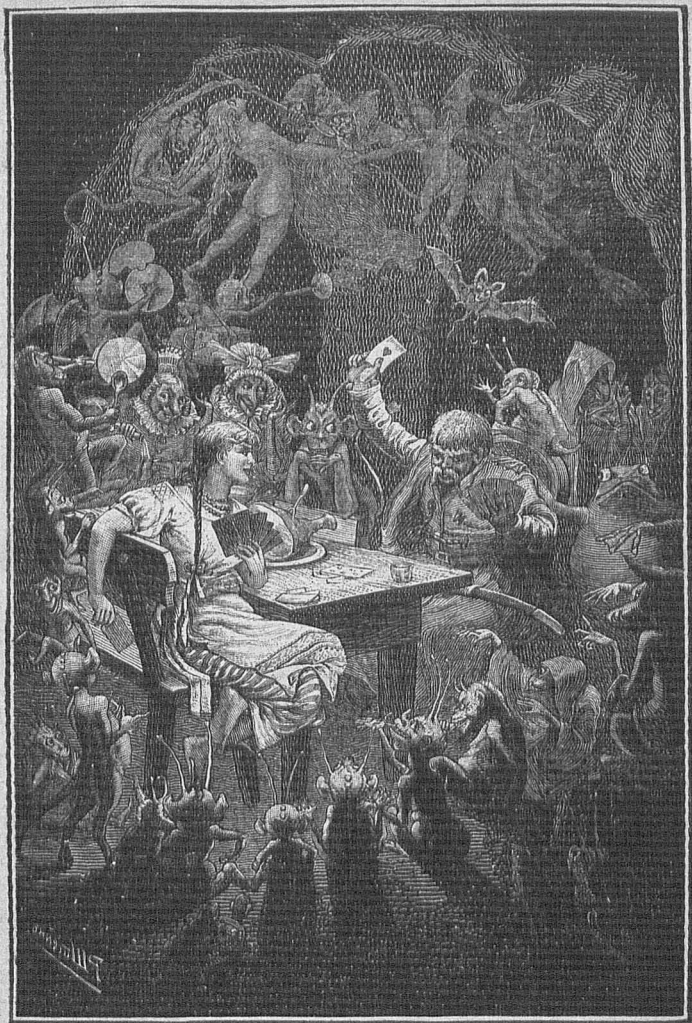
„Батюшки мои!“ ахнул дѣдъ, разглядѣвши хорошенько.
Что за чудища!.. (Стр. 18).

зуть цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина. „Ну, это еще не совсѣмъ худо“, подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошеный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей: „видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ“. Дѣдъ-таки, не мѣшаетъ вамъ знать, не упустилъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ыдалъ, покойникъ, аппетитно, и потому, не пускаясь въ рассказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, поставилъ корку хлѣба—и, глядя, и отправилъ въ чужой ротъ, вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуеъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій разъ — снова мимо. Взбелевился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ, прискочилъ къ вѣдьмамъ: „Что вы, Иродово племя, задумали смѣяться, что-ли, надо мною? Если не отдадите, сей же часъ, моей козацкой шапки, то будь я католикъ, когда не переверочу свинныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!“ Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудища выкалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло.

„Ладно!“ провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всѣми, потому личина у нея была чуть-ли еще не красивѣе всѣхъ: „шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ дурня!“

Что прикажешь дѣлать? Козаку сѣсть съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ, сѣлъ.

„Шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами
три раза въ дурня!“ (Стр. 20).

Принесли карты, замасленные, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

„Слушай же!“ залаяла вѣдьма въ другой разъ: „если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта больше не увидишь!“

„Сдавай, сдавай, хрычовка! Чтò будетъ, то будетъ“.

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки—смотрѣть не хочется, такая дрянъ; хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: „дурень, дурень, дурень!“

„Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя!“ закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. „Ну“, думаетъ, вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать“. Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ въ карты: масть хоть куда, козыри есть. И сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма—пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хватъ королей всѣхъ по усамъ козырями!

„Ге, ге! да это не по-козацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?“

„Какъ—чѣмъ? Козырями!“

„Можетъ-быть, по-вашему это и козыри, только по-нашему—нѣтъ!“

Глядь—въ самомъ дѣлѣ простая масть. Чтò за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертанѣ пошло снова драть горло: „дурень! дурень!“ такъ что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился; сдалъ въ послѣднй. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей.

„Козырь!“ вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою

Конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакаль черезъ
провалы и болота. (Стр. 24).

такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. „А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь?“ Вѣдьма подняла карту: подъ нею была простая шестерка. „Вишь, бѣсовское обморачиванье!“ сказала дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что силы, по столу. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, только мочи нѣтъ; дрянная такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. „Вотъ тебѣ на! это что? Э, э! вѣрно, что-нибудь да не такъ!“ Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралою. „Ну, дурень же я былъ! Король козырей! Что! приняла? А? кошечье отродье! А туза не хочешь? Тузъ! валетъ!“... Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямѣхонько въ лицо. „Нѣтъ, этого мало!“ закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. „Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!“ и уже было и руку поднимать, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости.

„Вотъ тебѣ конь твой!“

Заплакалъ бѣдняга, глядя на нихъ, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища! „Дайте-жъ мнѣ какого-нибудь коня, выбратъся изъ гнѣзда вашего!“ Чортъ хлопнулъ арапникомъ—конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однакожь напалъ на него посерединѣ дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ.

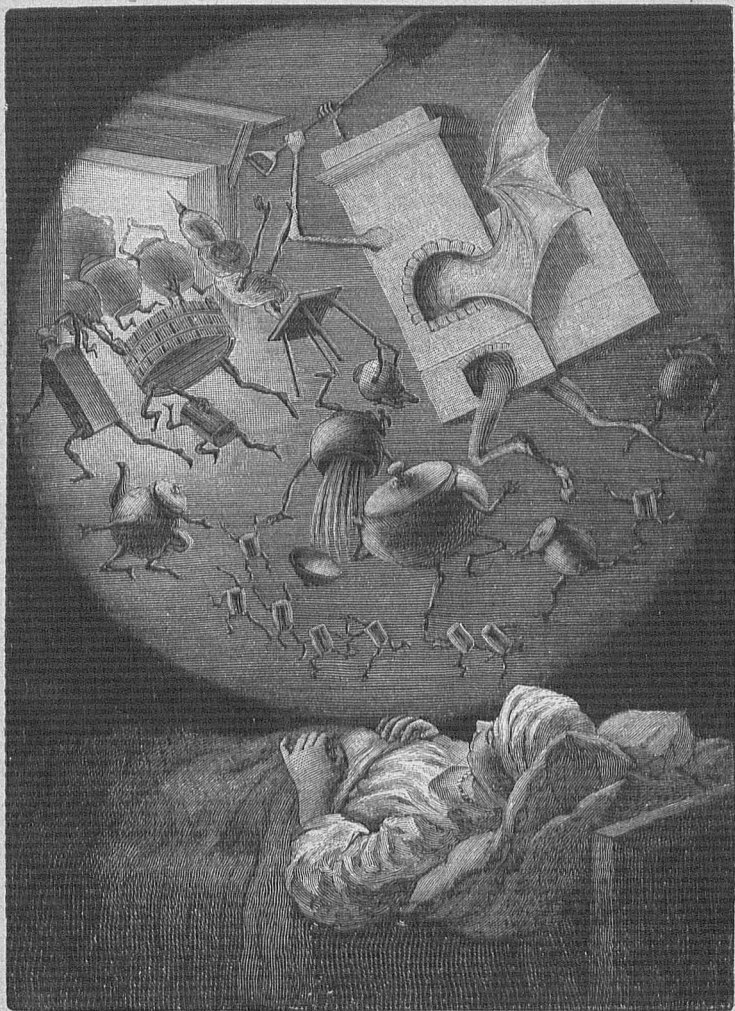

„Дывысь! дывысь! маты, мовь дурна скаче!» (Стр. 26).

Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги — и нуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ: передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

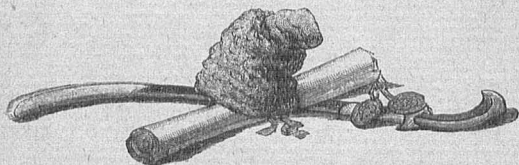
Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! Чтò за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядъ на руки — всѣ въ крови; посмотрѣлъ въ стоявшую торчмя бочку съ водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: *„Дывысь! дывысь! мать, мовѣ дурна скаче!“* *) И въ самомъ дѣлѣ, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку потихоньку, разбудилъ ее: „Здравствуй, жена! здорова-ли ты?“ Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, и наконецъ уже узнала дѣда и рассказала, какъ ей снилось, что печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки... и, чортъ знаетъ, чтò еще такое. „Ну“, говоритъ дѣдъ, „тебѣ во снѣ, мнѣ на-яву. Нужно, вижу, будетъ освятить нашу хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего“. Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ наглядѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того рассказывать: какъ по-

*) Смотри! смотри! мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

Печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки...
(Стр. 26).

вели его въ палаты, такія высокія, что если бы хать десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ-быть, не достало бы; какъ взглянулъ онъ въ одну комнату—нѣтъ; въ другую—нѣтъ; въ третью—еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь—сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ; какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку *синицами*; какъ... всего и вспомнить нельзя! Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стѣдила труда упросить его пересказать все, какъ было. И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуетъ, бывало, да и только. За чтò ни приметъ, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

Въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ.

1.	Коляска. <i>Повѣсть.</i>	Брошюр.	. . . . .	10	коп.
2.	Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. <i>Повѣсть.</i>	Брош.	. . . . .	10	»
3.	Вій. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	25	»
*4.	Майская ночь или утопленница. <i>Повѣсть.</i>	Брош.	. . . . .	15	»
*5.	Сорочинская ярмарка. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	20	»
6.	Носъ. <i>Повѣсть.</i>	Брошюр.	. . . . .	10	»
7.	Страшная мѣсть. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	25	»
8.	Пропавшая грамота. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	15	»
*9.	Ночь предъ Рождествомъ. <i>Повѣсть.</i>	Брошюр.	. . . . .	20	»
10.	Ревизоръ. <i>Комедія.</i>	Брошюр.	. . . . .	40	»
*11.	Шинель. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	20	»
12.	Заколдованное мѣсто. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	15	»
13.	Женитьба (совершенно невѣроятное собы- тіе). <i>Комедія.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	25	»
*14.	Тарасъ Бульба. <i>Повѣсть.</i>	<u>Въ переплетѣ</u>	. . . . .	30	»

* Допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Выписывающіе всѣ вышеозначенныя книжки разомъ, непосредственно изъ конторы изданій А. Ф. Маркса, въ СПБ., Малая Морская, № 22, ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.